

ОБРЕТЕНИЕ МАСТЕРСТВА

К 100-летию русского театра в Осетии

...И когда совсем невольно станет в липких паучьих объятиях великовского маскарада, князь Звездич бросится на Кавказ — навстречу опасностям, которым можно смотреть в лицо. Натура страстная, со своим, твердым кодексом чести, князь мечется в полусознанном стремлении обрести свой идеал, «не находя ни в чем отрады» — ни в азартной игре, ни в мишурном блеске балов. Затянутой в шегольский военный мундир душе томительна бесцельность бездумного существования. И оттого так страстен его порыв к незнакомке, в которой, чудится, он «отыскал потерянный свой сон». И оттого так искренен драматизм его душевного смятения, когда он узнает от баронессы Штраль всю правду о потерянном Ниной браслете.

...Вячеслав Вершинин играет в «Маскараде». Играет ли? Живет в облике своего Звездича, с какой-то яростной увлеченностью передавая истинно дерматовское, бунтарское начало этого образа.

И видишь, как вырос молодой актер за годы работы в русском театре. Как все четче и тверже становится его творческий почерк, как удивительно органично его актерская индивидуальность «вписывается» в интеллектуально-романтическое направление театра.

Вершинин пришел в наш театр актером, у которого, несмотря на молодость, были уже в творческом багаже такие работы, как Виктор в «Иркутской истории», Вальтер Шеринг («Перебежчик»), Барон («На дне»), Герман («Жаркое лето в Берлине»). По одному перечню уже можно было определить пристрастие Вячеслава к углубленному исследованию психологического настроения человека.

Мне кажется, Вершинин — ярко характерный тип современного актера: он наделен стремлением проникать в глубинные пласты роли точной мыслью, создавать образы, высокое эмоциональное напряжение которых облекается в строго лаконичную, графическую форму.

Не зря главный режиссер русского театра З. Бритаева

увидела в Вершинине актера «своего» театра. И потому первой ролью Вячеслава в нашем театре стала ответственная работа над образом Владимира в спектакле «Перед грозой».

Драму семейного разлома, драму вызревания в сознании революционных идей З. Бритаева решала в плане психологической схватки мировоззрений. В этом накале идейной борьбы возникала неожиданно аморфная фигура человека, пытающегося стать «над схваткой». Субъективно честный, но абсолютно безвольный сын Сафа Абаева Владимир-Вершинин не мог не тяготиться порядками отцовского дома. Но увлечение абстрактной идеей человеческого счастья в прошлом, отсутствие ясного предствления о путях к нему в настоящем — источник колебаний и невзгод Владимира.

У героя Вершинина как-то ошущито на глазах мельчают былые юношеские увлечения, обрастают мхом мелкобуржуазной обывательщины. Слабый, нерешительный, он мечется, не находя своей жизненной точки опоры, между откровенно презирающими его слюнякостопом и братом, и женой, которая не прощает его отступничества.

Трагическая смерть Владимира в финале воспринимается как закономерный итог этой нескладной жизни отщепенца.

Серьезная, глубокая работа дебютанта была высоко оценена — вместе с рядом других создателей спектакля Вячеслав Вершинин стал лауреатом премии имени Коста Хетагурова.

Почти каждая работа Вершинина — значительна и интересна.

Удивительно обаятельным, умным мечтателем был Яков Богомолов у Вершинина в одноименном спектакле. Удивительно современно звучали его размышления о сути духовной красоты человека, об идеале счастья. Его, инженера-гидролога Богомолова, романтика — в радости и счастье творческого труда. И в этом его герой был нашим современником. Бесконечная любовь к человеку, — правда, более умозрительная, чем деятельная, — вера в силу и радость

созидательного труда давали Богомолову ощущение того счастья, которое и не понятно большинству окружающих Богомолова сытых мешан, и раздражает их своей недоступностью.

При некоторой одноплановости решения образа Богомолова Вершинин тем не менее доносил философскую глубину и социальную значимость его в этой дискуссии о смысле жизни.

И незримые ниточки тянулись от этого — к другому спектаклю, к «Аргонавтам», в котором театр вел с молодежью принципиальный разговор о том, «ради чего на свете все мы». Одним из самых привлекательных образов спектакля был врач Гога, созданный В. Вершининым.

Герои Вячеслава Вершинина — натуры, как правило, цельные, но многосложные.

В обаятельном вертопрахе Ширвинском — адыгатах сиятельного гетмана Скоропадского («Дни Турбиных») Вячеслав угледил и неожиданно открыл зрителям человека выскокой и чистой страсти, умной души. И образ осветился совершенно по-новому.

Очень интересна работа Вершинина над образом фашистского генерала Кильтмана в спектакле «Полковник Ксанти». Пьеса выстроена как психологическая дуэль легендарного Ксанти и его антипода генерала Кильтмана. Кильтман Вершинина — враг сильный, умный, целеустремленный. Но жизненный крах его предопределен тем, что незаурядная эта личность служит человеконенавистническим идеалам. Умно и тонко обнажал сущность своего героя Вершинин, нигде не утрируя, не впадая в карикатуру.

Хотя вкус у Вячеслава к гротесковой остроте, несомненно, есть — достаточно вспомнить его сенатора Тейта из спектакля «Странная миссис Сэвидж». Очень зло издевался актер над этим респектабельным хищником, теряющим разум и чванливое достоинство в погоне за наследством.

Вячеслав Вершинин — только в начале своего творческого пути, но это уже шаги уверенные и твердые. А путь к совершенствованию мастерства, как известно, бесконечен.

...И снова — в который раз — раздвинутся тяжелые складки занавеса, и в тусклом свете оплывших свечей начнут свою призрачную жизнь маски великовского маскарада. И, может быть, в игорный дом войдет Арбенин — в знакомом облике Вячеслава Вершинина... Нет актера без дерзкой мечты! И будем надеяться, что Вячеславу удастся осуществить каждую из задуманных.

Н. ДАНИЛОВА.

20 МАЯ 1974

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ОСЕТИЯ
г. ОРДЖАНИДЗЕ